

Люди киргизского искусства

...Еще живы люди, которые помнят, как пыльным осенним днем 1935 года на перроне станции Фрунзе (нынешнего вокзала еще не было) «высадилась» группа выпускников московского Госинститута театрального искусства имени Луначарского. Вскоре открыли первый сезон основанного тогда Русского — ныне ордена Дружбы народов — драматического театра им. Крупской, которому нынче 50 лет. «Советская Киргизия» всегда стремилась отражать на своих страницах большой и сложный творческий путь коллектива.

Юбилей будет отмечаться в конце декабря. А сегодня мы публикуем заметки о творчестве артиста Сергея Матвеева.

ТРУД АКТЕРА

Рампа не только отделяет сцену от зрительного зала, она отделяет одну жизнь актеров от другой.

Та, что вечерами, при публичке, всегда празднична, даже если и играют трагедию, а вторая — это репетиции лицом к серой изнанке театрального занавеса, это неустанный труд, это пыль кулис и десятки километров в холодном автобусе на выездной спектакль, это бессонные ночи и озарения, которые видят порой только осветители со своих шатающихся мостков над сценой да классические заспанные театральные пожарники; это непрерывная трата нервов, золота души. Трата себя.

Эти две жизни вместе и есть работа, а лучше сказать — служение театру.

В театре, как во времени, — живут и умирают. Да, случается и в наш сугубо рациональный век актеры умирают на сцене не «понарошку», а по-настоящему, страшно и гордо, когда сердца не выдерживают взрыва переполняющих их чувств.

Да и само время в театре течет по-иному, чем в жизни. В театре и взрослеют раньше.

Сергей Матвеев в свои тридцать шесть — один из опытейших актеров Русского драматического театра имени Н. К. Крупской. Он играл и играет в спектаклях по Шекспиру, Островскому, Арбузову, Гацке, Штоку, Казанцеву, Мережко. Играет разные обстоятельства и разные состояния. Но сквозь комедийные или драматические повороты ролей люди в зрительном зале всегда безошибочно узнавали и узнают его, Матвеева, интонации, его глаза, его особый, исполненный смысла жест.

И это прекрасно, что узнают. Это значит, действует магическая сила театра. Ибо, узнавая его и не сомневаясь, что перед нами актер Матвеев, мы неотрывно следим за его личностным восприятием персонажа, за его личностным отношением к перипетиям жизни.

От природы Матвееву дана подлинная музыкальность, необыкновенное ощущение ритма звучащего слова, движения. С самого детства он пел — дома, в школе, там, где просили и где слушали, и просто наедине с собой.

И в студию при драмати-

ческом театре попал, в общем, случайно — после того, как в студии оперной сказали: поете вы, юноша, хорошо, но приходите, когда у вас закончится возрастная мутация голоса. Потом, после нескольких лет работы, уже понахав театрального пороха, Сергей поступил в ГИТИС имени А. В. Луначарского на отделение актеров музыкального театра. Здесь дарование его заботливо пестовал руководитель курса профессор Г. Ансимов — ныне главный режиссер Большого театра СССР.

После института Матвеева пригласили в театр оперетты, но Сергей вернулся во Фрунзе, продолжил карьеру артиста драматического театра.

— С тех пор прошло уже почти шесть лет, и ролей сыграно вроде бы немало. Но вот что меня тревожит. Похоже, у меня повилась репутация, этакое своеобразное амплуа «актер поющий и танцующий». В разных спектаклях режиссеры выстраивали линию моего персонажа, исходя целиком из этих моих способностей.

О том, что образ должен быть выстроен в первую очередь внутренне, как-то забывали. А я ведь, кроме того, что легко могу сделать, скажем, сальто, кувырок или несколько лихих фехтовальных выпадов, спеть зонг или куплеты, станцевать фокстрот, вальс или чарльстон — я ведь, кроме всего этого, и думать, и чувствовать как современный человек, кажется, должен. И точка зрения на многое в жизни у меня своя, пусть порой спорная, но своя.

И я мечтаю о спектакле, где будет не просто музыка, а настоящая музыкальная драматургия.

— То есть о музыкальном спектакле?

— Можно назвать и так, можно сказать «мюзикл» — не в названии дело.

Если судить по количеству, по длительности звучания, то и в нынешних спектаклях нашего театра музыки не так уж мало: то фонограмма, то наш «живой» театральный оркестр. Только, на мой взгляд, вся эта музыкальная мозаика чаще всего — не более чем иллюстрация темы, вставные номера.

А музыка должна быть двигателем спектакля, давать

тот несравненной силы нервный импульс, ради которого человек и приходит в театр. Как в рок-опере «Юнона и Авось» театра имени Ленинского комсомола, как в спектаклях по пьесам Сухово-Кобылина Ленинградского театра оперетты, как в лучших спектаклях старой оперетты.

Кстати, кризис оперетты, который все мы наблюдаем сегодня, вызван, по моему мнению, вот чем: именно музыкальная драматургия этого жанра искусства, постигающего действительность, не успевает в своем развитии за стремительным темпом, за сложными процессами современной жизни.

...Недавно Сергей Матвеев выступил в новом качестве: поставил на сцене Русского драматического театра старинный водевиль «Аз и ферт». Свершилось одно из маленьких чудес искусства. Простенькое, по нынешним меркам, произведение вдруг вздымало красками, открыло неожиданную глубину и тонкость.

В водевиле было то, чем дорог театр людям: вдохновение, окрыленность, горячность молодых сердец, праздничность взгляда.

— Постановка эта была внеплановой. Просто мое предложение мгновенно нашло единомышленников. Оказалось, что тоска по настоящему музыкальному спектаклю гложет не меня одного — многих молодых актеров, музыкантов оркестра. Работа несет на себе отпечаток студийности: репетировали часто по ночам, декорации и костюмы делали сами, были и рабочими сцены, и электромонтерами.

И когда представления водевиля пошли одно за другим, когда мы ощутили, как поднимается «температура» зала — мы все были счастливы, как могут быть счастливы только актеры.

...В театре готовится к выпуску очередной спектакль. Все, как уже много раз было в его актерской жизни: репетиции лицом к серой изнанке театрального занавеса, пот и тяжелое дыхание, пыль кулис, бессонные ночи и озарения, непрерывная трата нервов, золота души. Трата себя.

Он, как и товарищи его по актерскому цеху, просто работает. Работает во имя того, чтобы доброта, честность, человечность, верность и любовь вечно оставались неразменными монетами.

А. ШКОЛЬНИКОВ.

Фото В. Кириенко.